

Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.)

Ю.А. Борисёнок

Со второй половины XVII в. процесс перехода земель Великого княжества Литовского (ВКЛ) «под высокую руку» русских государей стал необратимым. Длительная эпоха непрерывных войн между Москвой и Вильно закончилась в пользу России. Война с Речью Посполитой, начатая правительством Алексея Михайловича в 1654 г., стала одним из первых существенных конфликтов «3,5-векового цикла, в течение которого происходило формирование политической карты Европы» (В.П. Стегний «с известной долей условности» намечает хронологические рамки этого цикла — 1648—1991 гг. ¹).

Присоединение Смоленска к России, оформленное сначала Андрусовским перемирием (1667 г.), а затем и «вечным миром» с Речью Посполитой (1686 г.) стало заметной вехой в изменении геополитической ситуации в регионе. Характерно, что в польской политической традиции XIX в. встречается почти исключительно лишь требование реванша к границам 1772 г., но не возврата Смоленска и окрестностей. Несмотря на то, что вплоть до 1764 г. сейм Речи Посполитой отказывался ратифицировать «вечный мир», политическая элита ослабленной Речи Посполитой была вынуждена смириться с потерей важнейшего центра влияния на западных рубежах. При этом государственная граница пролегла западнее исторически сложившегося «Литовского рубежа», бывшего традиционным для той эпохи разграничителем восточнославянской территории. В оформлении белорусско-русского пограничья начался новый этап, завершившийся вхождением всей территории ВКЛ в состав Российской империи в ходе трех разделов Речи Посполитой.

С 1795 г., когда Речь Посполитая прекратила свое существование, и вплоть до 1918—1919 гг., когда началось оформление белорусской государственности, белорусско-русское пограничье развивалось во внутриимперских рамках. Рубежи давнего противостояния Московского государства и ВКЛ утратили политический характер, превратившись в этнические границы. В то же время этнографическая территория расселения белорусов стала ареной противоборства российского и польского начал. Влияние имперской государственности и официального православия на этих землях сочеталось с польской и католической ориентацией значительной части общественной элиты, а также с традиционным культурным воздействием польского социума.

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала «Родина». Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 01-01-78001а/б.

Белорусско-русское пограничье логично рассматривать в двух вариантах: во-первых, в узком плане, как контактную зону, близкую к современным границам Российской Федерации и Республики Беларусь, и во-вторых, в широком смысле, как историческую территорию русско-польского политического и культурного соперничества, охватывающего весь ареал расселения «белорусского племени» в XVIII — начале XX веков. Формирование белорусской нации и развитие белорусской культуры были в значительной, если не решающей, степени связаны с развитием этого политического и этнокультурного противостояния в условиях пограничья ².

Специфика адаптации белорусских земель в составе Российской империи определялась прежде всего тем обстоятельством, что их политическая элита после Люблинской (1569 г.) и Брестской церковной (1596 г.) уний быстро консолидировалась с польским правящим слоем. Специфические традиции ВКЛ к концу XVIII в. были практически полностью утрачены, общественные верхи полонизированы в языковом и в значительной степени культурном смысле. По мнению А. Валицкого, «принятие сарматской теории литовской и русской шляхтой способствовало неожиданно быстрой и добровольной полонизации (в том числе полонизации языковой) непольской шляхты. Это безусловно весьма укрепило культурное единство полиэтничной «шляхетской нации», однако, лишило не-поляков собственных «исторических классов», что значительно затормозило их собственное национальное развитие» ³.

Характерен пример Г.А. Потемкина, происходившего из смоленской православной шляхты и тем не менее считавшего себя не «русским», «белорусом» или «литвином», а именно «поляком». 5 февраля 1788 г. Потемкин писал Екатерине II, защищая свой проект союза с Речью Посполитой: «Напрасно не благоволите мне дать начальства над всей конницей народной, то бы хотя одну бригаду. Я столько же поляк, как и они» ⁴. Близкие родственники Потемкина в середине XVIII в. также идентифицировали себя с поляками, а отец светлейшего прославился на всю Смоленскую губернию тем, что был всего лишь вторым местным дворянином, позволившим себе жениться на «великороссиянке», а не на местной «полячке» ⁵.

Происхождение Потемкина послужило основанием для многочисленных слухов о его претензиях на польский трон, принимавшихся рядом исследователей за чистую монету. Формальные основания претендовать на престол у выходца из «шляхетской нации» были, а основанием для толков служили прежде всего обширные владения князя на территориях, присоединенных к Российской империи. В августе 1790 г. в Петербурге всерьез встревожились известиями о том, что Потемкин собрался самолично свергнуть Станислава Августа Понятовского. Светлейший вынужден был оправдываться в письме А.А. Безбородко: «Неужели я в подозрении и у вас? Простительно слабому королю думать, что я хочу его места. По мне — черт тамо будь. И как не грех, если думают, что в других могу быть интересах, кроме государственных» ⁶.

Характерно, что именно Потемкин первым попытался придать имперской политике в отношении Речи Посполитой национальный характер. Определяющим в его позиции был конфессиональный момент — в 1791 г., незадолго до смерти, Потемкин предложил Екатерине II предпринять решительные шаги к ликвидации униатства на белорусских землях, являвшегося по его мнению основным препятствием для интеграции вновь присоединенных территорий в имперское пространство. Идею светлейшего поддержал и Безбородко, давший императрице следующий комментарий к проекту Потемкина: «На бумагу о Белоруссии не изволит ли Ваше величество ответить, что усмотрения, его касающиеся, до прекращения тако называемой унии весьма основательны и, конечно, их в действие приводить нужно» ⁷. Характерно, что польские проекты князя обычно содержали отдельные записки, касающиеся ситуации в Белоруссии. Его беспокоила экономическая ситуация, когда помещики из Речи Посполитой, сохранившие после первого раздела свои

белорусские имения, переправляли доходы за границу. Потемкин настаивал на жестких мерах вплоть до насильственной продажи имений, но поддержки императрицы не нашел.

С легкой руки светлейшего в лексиконе Екатерины II появились выражения о России и присоединенных к ней по итогам разделов восточнославянских территориях Речи Посполитой как «едином целом». Приобретенные по второму разделу (1793 г.) «прекрасные и многолюдные губернии» императрица в письме к графу И.Г. Чернышеву именовала «конибелькой (то есть колыбелькой. — Ю. Б.) русскою»⁸. Подобные настроения, как показал В.П. Стегний, не соглашаясь с тезисом С.М. Соловьева о том, что основным мотивом действий Екатерины в польском вопросе было возвращение в состав России территорий с преимущественно православным населением, были абсолютно нехарактерны для ситуации начала 1770-х годов, когда замышлялся и осуществлялся первый раздел Речи Посполитой: «Национальная мотивация участия России в разделах появляется... только в период второго и третьего разделов Польши. Национальный стереотип применительно ко всем трем разделам сформировался только в славянофильской публицистике 40-х годов XIX века»⁹.

Продвижение границ империи на запад вплоть до конца XVIII в. было подчинено в первую очередь династическим и геополитическим интересам, национальный момент учитывался лишь в прагматическом плане (так называемый «диссидентский вопрос» в Речи Посполитой). Петербург был озабочен не самоидентификацией смоленской шляхты, а тем обстоятельством, что с момента присоединения Смоленска новая русско-польская граница так и не оформилась окончательно и оставалась «неразведенной», заставы и пограничные таможи во многих местах отсутствовали. На многих участках продолжались пограничные споры, создавались комиссии, однако до первого раздела (1772 г.) демаркация спорных участков, в том числе и в районе Смоленска, так и не была завершена¹⁰. Пограничную ситуацию усугубляли массовые побеги крепостных на территорию Речи Посполитой (в начале 1760-х годов их число составляло примерно 120 тысяч душ мужского пола), «а тем самым российские пограничные уезды Смоленской губернии да Псковской и Великолуцкой провинций почти опустошены, отчего помещики весьма разоряются и принуждены всякие подати платить с пустых земель»¹¹. Первый раздел Речи Посполитой разрешил оставшуюся со времен «вечного мира» пограничную проблему радикальным путем.

Новая граница, появившаяся в 1772 г., также стала поводом для длительных переговоров по демаркации. На белорусском участке их удалось завершить только к середине 1775 г., а на украинском — и вовсе в 1781 году. Второй раздел (1793 г.) не потребовал от русской дипломатии излишних усилий по пограничному размежеванию — окончательное «падение Польши» произошло всего двумя годами позже.

Присоединив белорусские земли, Российская империя столкнулась с немалыми трудностями в их инкорпорации. Этот процесс растянулся на несколько десятилетий и поначалу не сопровождался открытой конфронтацией русского и польского начал. Либеральная политика Александра I в отношении высших слоев общества бывшей Речи Посполитой привела к внешне парадоксальному явлению — благодаря учебным заведениям с преподаванием на польском языке, функционировавшим на бывшей территории ВКЛ, ускорилась полонизация не только местной шляхты, но и городских слоев.

Традиции Конституции 3 мая 1791 г., ликвидировавшей федеративное устройство Речи Посполитой, и ее творца Г. Коллонтая прочно укоренились в общественном сознании. Коллонтай стремился к тому, «чтобы «новая нация» была однородной, разговаривала на одном языке и имела одинаковые права... В польских условиях это означало унификацию законодательства, ликвидацию автономного статуса Литвы и обязательную полонизацию всех жителей страны»¹². В условиях отсутствия собственного государства консолидация высшего общественного слоя ощущалась все явственнее. «Катехи-

зис литвина», созданный в 1830-е годы, решал проблему национального единства крайне просто: «Вопрос. Что есть единство с поляками? Ответ: Составлять с ними один неделимый народ так, чтобы литвин был поляком, а поляк литвином, одной и той же конституции»¹³.

После появления в Царстве Польском конституции Александр I в доверительных беседах с польской знатью не исключал скорого присоединения к Царству и значительных территорий бывшего ВКЛ, чем вызвал немалый энтузиазм (так, впрочем, и не подкрепленный конкретными действиями русских властей). Реальное же положение в «колыбельке русской» представлялось имперской администрации не слишком определено. В этническом плане наибольший интерес вызывали «нерусские народы», восточнославянское население еще долгое время представлялось исключительно в конфессиональном плане. Посетив в 1780 г. новоприсоединенные белорусские земли, Екатерина II искренне изумилась царящему там «Вавилонскому столпотворению» — там «сплошь да рядом обитают православные, католики, униаты, евреи, русские, поляки, чухонцы, немцы, курляндцы»¹⁴. По мнению генерала С.А. Тучкова, высказанному в 1792 г. накануне второго раздела Речи Посполитой, белорусское население представляет собой «какую-то смесь русских, поляков, малороссов и литвы»¹⁵. Недалеко ушли от подобных воззрений и «ученые описания». Так, по мнению В. Севергина (1804 г.), в окрестностях Полоцка «простой народ большею частью юродивый и дикий, исповедует униатскую веру и крайне склонен к дремучести»¹⁶. Е. Зябловский в 1810 г. полагал, что население Белоруссии и Литвы «кроме россиян состоит из поляков, литвы и жидов»¹⁷.

Этническая принадлежность большинства населения присоединенных земель российские власти практически не интересовала — разве что наряду с «русскими» и «поляками» иногда встречаются «литва», «литовцы» либо «литвины». Универсальным критерием для власти служило вероисповедание. Этнических белорусов-униатов, составлявших до 1839 г. большинство населения белорусских земель, в зависимости от конъюнктуры именовали то «поляками» и «литовцами», не отделяя их от католиков, то (начиная с 1820-х годов) «русскими». Надежды на быстрое обрусение восточнобелорусских земель высказывались уже в начале XIX века. В канцелярию Военного министерства с оптимизмом сообщали о том, что «в губерниях Белорусских, особенно в Витебской, нравы начинают изменяться, почему и можно надеяться, что оные и вовсе обрусуют»¹⁸. Документ от 15 декабря 1838 г., подготовленный для знакомства министров с униатским вопросом, содержал в себе характерную формулировку: «сей народ русский по языку и происхождению, но отторгнутый от России по вере»¹⁹.

Польское восстание 1830—1831 гг. стало важнейшим рубежом для противоборства имперского и польского начал на белорусско-русском пограничье. Военное поражение повстанцев стало не только крушением политических планов общественной элиты Царства Польского, Литвы и Белоруссии, но и сигналом для мощного культурно-конфессионального наступления имперских сил. Правительство Николая I воплотило в жизнь замышлявшуюся еще при Потемкине идею ликвидации Брестской унии 1596 года. Униатство, в XVII—XVIII вв. считавшееся «белорусской верой»²⁰, и после разделов Речи Посполитой охватывало значительную часть крестьянского населения на белорусских этнографических территориях. В итоге реализации решений Полоцкого церковного собора от 12 февраля 1839 г. территория культурного пространства, связанного с традициями упраздненной Речи Посполитой, значительно сузилась и в дальнейшем как правило сводилась к традиционному стереотипу «поляк—католик». Оценки действий имперской власти и группы иерархов во главе с Иосифом Семашко и поныне различны²¹. Ксендз С. Опеля полагает, что унии православия и католичества «изначально были отмечены печатью несовершенства. Православные смотрели на униатов как на предателей не только церкви, но и своего народа, а в глазах латинян они были всегда кем-то вроде бедных родственников. Плюс к тому политики

враждующих стран всегда стремились использовать унию как средство для достижения своих целей, а «обращение» униатов в православие всегда выливалось в акты административной дискриминации»²². Польский исследователь Р. Радзик полагает, что «вместе с ликвидацией унии в 1839 г. белорусы были лишены того общественного окружения, которое создавало наибольшие шансы для появления белорусского национального движения»²³. А сотрудник Института стран СНГ К.А. Фролов убежден, что «наиболее выдающимся борцом за православие на западе был архиепископ Иосиф Семашко. Этот человек, по сути, равен святому равноапостольному князю Владимиру и мы, православные христиане, просто обязаны ходатайствовать о его канонизации». Реанимируя политическую лексику XIX в., этот автор провозглашает: «Очевидный факт — на протяжении столетий русский народ, живущий на пространстве от Бреста до Тихого океана, был единым и неделимым. Противники воссоединения утверждают, что белорусы исторически являлись отдельным народом (т. н. «кривичская теория»), а затем якобы были оккупированы Россией и подавлялись ей»²⁴.

Последняя точка зрения близка воззрениям М.Н. Каткова, оказавшим немалое влияние на формирование общественного мнения в отношении «Северо-Западного края» — так с 1840 г. в пространстве империи надлежало именовать белорусские земли; само название «Белоруссия» (очевидно, в связи с ликвидацией «белорусской веры») подлежало запрету. 21 июня 1863 г. в разгар нового польского восстания, Катков четко выразил охранительно-консервативную точку зрения на земли бывшей Речи Посполитой: «Наиболее резкую особенность встретите вы в малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав его государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы»²⁵.

С начала 1840-х годов, с ликвидацией унии, запрещением употребления названия «Белоруссия» и — что не менее важно в контексте адаптации белорусских земель к имперским условиям — введением норм общероссийского законодательства вместо действовавших до 1840 г. норм Третьего Литовского Статута (1588 г.) существенные отличия между белорусскими и великорусскими губерниями в конфессиональном и юридическом плане стираются. «Литовский рубеж» продолжал существовать лишь на уровне народной культуры. Эту сферу, по причине отсутствия заметных усилий по распространению образования в крестьянской массе, правительственные мероприятия по русификации долгое время практически не затрагивали. Катков и его направление имели формальные основания торжествовать — уже с подавлением польского восстания 1830—1831 гг. польское начало не смогло оказывать на пространстве белорусско-русского пограничья сколько-нибудь существенного сопротивления официальной власти, а после восстания 1863—1864 гг. преобладание имперских традиций стало подавляющим по всем направлениям.

«Польский вызов» тем не менее осознавался имперской традицией как исключительно серьезная опасность. Потенциальная угроза, исходившая как от приверженцев национально-освободительной традиции в эмиграции, так и от шляхты, обитавшей на белорусских и украинских землях, постоянно подчеркивалась и обычно на всякий случай преувеличивалась. Обычно подобную тактику связывают с именем Николая I, но и в начальный период царствования Александра II смягчения политики Петербурга не произошло. Прощение витебского дворянства от 1856 г. о создании в Полоцке университета, введении преподавания польского языка и Устроительстве новых костелов наткнулось на жесткую реакцию императора. По его указанию министр внутренних дел С.С. Ланской сообщил губернскому предводителю дворянства, что «означенное прощение имеет вид некоторой наклонности к поддержке польской национальности»²⁶.

Основанием для постоянного беспокойства служила неизменная позиция всех польских политических группировок XIX в. относительно восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года. А Менцвель резонно заметил, что «эта терминологическая разница — с польской стороны «отнятые земли», а с российской — «западные губернии», как нельзя более выразительно показывает драматическое расхождение двух исторических перспектив... Источник эмоционального накала польско-русского взаимоперелетения не в тайных чертах народной души, а в совершенно конкретном многовековом соперничестве — имперском ли, колониальном ли — на тех самых землях, которые не являются ни польскими, ни российскими»²⁷.

Пространство белорусско-русского пограничья с 1830-х годов оказалось ареной столкновения гораздо более жестких, чем ранее, идейных установок. Воззрениям Николая I о «Северо-Западном крае» вполне соответствовали представления большинства польских деятелей о «единой нераздельной Речи Посполитой Литовско-Русско-Польской под общим названием Польши»²⁸. Манифест Польского Демократического общества (1832 г.) подчеркивал необходимость восстановления Польши, простирающейся «от Одры до Карпат, за Днепр и Двину, от Балтийского до Черного моря»²⁹. Большинство политически активных поляков разделяли так называемую «французскую концепцию нации».

Как подчеркивает А. Валицкий, «единомышленники, поддерживая интеграцию исторических территорий Унии (Люблинской. — Ю.Б.), преодолели не только тенденцию к сепаратизму, но даже и к регионализму, а после освобождения и получения крепостными крестьянами образования ожидали быстрых результатов их полонизации. Они брезговали Конституцией 3 мая, но тенденция их национальной идеологии была близка политическому мышлению партии реформ XVIII в. Революционный манифест Краковского восстания 1846 г. — восстания, которым руководил романтический революционер и пылкий критик Просвещения Эдвард Дембовский, провозглашал идеал интегрированной и объединенной нации в границах 1772 г., также не обращая внимания на автономный статус Литвы. Манифест подчеркнул это неприятие, вводя существенные изменения в национальный герб, с которого сняли литовскую Погоню, оставив на всем пространстве польского Белого Орла»³⁰.

Как ни парадоксально, российская интегральная традиция с регионализмом не порывала — причиной тому стало вполне успешное политическое наступление русского начала в землях бывшей Речи Посполитой. Узнав в 1869 г. о намерении виленских ксендзов начать богослужение на белорусском языке, Катков искренне возмутился: «Белорусский язык есть новость. Надобно еще создать его, прежде чем повести речь о нем. Нет на свете ни одного языка, который бы в простонародном говоре местных населений не представлял бы более или менее заметных особенностей... В сравнении с крупными особенностями местных наречий других языков даже польский язык относительно русского представляет собой не очень значительную особенность. Что касается до белорусского наречия, то это просто особенный способ произношения, при самых ничтожных лексических оттенках, которые порознь встречаются повсюду в России и которые равно принадлежат к общему типу русского языка, хотя не все равно могут претендовать на принятие в общий литературный язык...» И тут же консервативный идеолог приводит аргументы, вполне способные удивить его сегодняшних последователей: «Белорусский говор слышится не только на Немане или Припяти — он звучит по всей Смоленской губернии и подходит под самую Москву. В иных случаях московское произношение более сходится с белорусским говором, нежели, например, с простонародным говором в Ярославской или Костромской губернии»³¹. Катков изъяснялся в полном соответствии с выводами тогдашней науки — этнограф М.А. Колосов находил в конце XIX в. белорусские особенности языка в том числе у населения Рузского, Волоколамского и Можайского уездов Московской губернии³².

В середине XIX в. началось этнографическое изучение белорусов, проходившее под вполне благонамеренным предлогом и в духе ортодоксального «западноруссизма» — подчеркнуть отличие крестьянской массы этих земель от поляков. Итогом стали объективные и весьма информативные исследования традиционной народной культуры, ставшие основой для создания не связанных с политикой этнографических карт. Но именно этот региональный уклон стал впоследствии благодатной почвой для развития в начале XX в. белорусского национального движения.

Примечания

1. СТЕГНИЙ В.П. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. М. 2002, с. 6.
2. БАБКОЎ І. Этыка памежжа: транскультурнасць як беларускі досвед. — Фрагменты, Минск, 2000, № 7, с. 124.
3. ВАЛІЦКІ А. Інтэлектуальныя эліты і зьменьлівыя лёсы «выдуманай нацыі» у Польшчы. — Фрагменты, 2000, № 7, с. 55.
4. Цит. по: ЕЛИСЕЕВА О.И. Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М. 2000, с. 224.
5. ЭНГЕЛЬГАРТ Л.Н. Записки. — Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М. 1988, с. 217.
6. Цит. по: ЕЛИСЕЕВА О.И. Ук. соч., с. 273.
7. СТЕГНИЙ В.П. Ук. соч., с. 653.
8. См. ЕЛИСЕЕВА О.И. Ук. соч., с. 287—288.
9. СТЕГНИЙ В.П. Ук. соч., с. 20.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 21. «Пограничные с Польшей комиссии» (1724—1773 гг.)
11. СТЕГНИЙ В.П. Ук. соч., с. 88—90.
12. ВАЛІЦКІ А. Ук. соч., с. 56.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 628, д. 106, л. 1об.— 2.
14. САПУНОВ А. Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке. Витебск. Б. г., с. 3.
15. Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766—1808. СПб. 1908, с. 157.
16. СЕВЕРГИН В. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб. 1804, с. 95.
17. ЗЯБЛОВСКИЙ Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. 4. СПб. 1810, с. 89.
18. ДУБРОВИН Н. Русская жизнь в начале XIX в. — Русская старина. 1902, № 2, с. 231.
19. ФІЛАТАВА А. Нацыянальнае пытанне і палітыка царскага ўрада ў Беларусі канца XVIII — першай паловы XIX ст. — Беларускі гістарычны агляд. Т. 7. Сш. 1. Мінск: 2000, с. 24—25.
20. См. Русско-белорусские связи. Сб. документов. М. 1963, с. 103—111; Белорусы, М. 1998, с. 97.
21. МАРОЗАВА С.В. Уніяцкая царква у культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596—1839). Гродна. 1996; Канфесіі на Беларусі (кан. XVIII—XX ст.). Мінск. 1998.
22. ОПЕЛЯ С. Католичество и православие — история и современность. — Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М. 2000, с. 56.
23. RADZIK R. Między zbiorowoscia etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin. 2000, s. 261.
24. ФРОЛОВ К.А. Единство Западной Руси. — Интернет-сайт www.pravoslavie.ru.
25. КАТКОВ М.Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами. — Имперское слово. М. 2002, с. 143—144.
26. Нацыянальны гістарычны архіў (Мінск), ф. 2626, оп. 1, д. 95, л. 4.
27. МЕНЦВЕЛЬ А. Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? Поляки и русские, с. 48.
28. Dziennik Stanisławowski. 1848, 2. IX, s. 4.
29. TDP. Dokumenty i pisma. Warszawa. 1954, s. 89.
30. ВАЛІЦКІ А. Ук. соч., с. 59—60.
31. КАТКОВ М.Н. Русский язык в Западном крае. — Ук. соч., с. 242—243.
32. КОЛОСОВ М.А. Белорусы. — Энциклопедический словарь. Т. V. Кн. 9. СПб. 1891, с. 232.